

И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
 Какъ долженъ каждый патриотъ.
 Но, если вы когда ѣзжали
 Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
 То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
 Его внимательный порнеть...
 Одна изъ дѣвъ ему сначала
 Дней девять сряду отвѣчала,
 Въ десятый день онъ былъ забытъ—
 Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
 Всѣ жесты, вздохи, объясненія
 Не помогали ничего...
 и зародился пламень мщенія
 Въ душѣ обиженной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
 Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
 Домой съ дежурства уѣзжалъ,
 Хотя и дома былъ безъ дѣла;
 Порою разсуждалъ онъ смѣло,
 Но чаще онъ не разсуждалъ.
 Разгульной жизни отпечатокъ
 Иные замѣчали въ немъ;
 Печалей будущихъ задатокъ
 Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ:
 Его покоя не смущало,
 Что не касалось до него;
 Насмѣшекъ гибельное жало
 Броню желѣзную встрѣчало
 Надъ самолюбіемъ его,
 И не щадилъ онъ никого.
 Слова онъ вѣсилъ осторожно
 И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
 Порою, трезвый—врагъ безбожно,
 И молчаливъ былъ—на пирахъ.
 Характеръ вовсе бесполезный
 И для друзей, и для враговъ...
 Увы! читатель мой любезный,
 Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
 На подвигъ славный, роковой,
 Терзаемъ пльницы недугомъ—
 Изжогой мучимъ огневымъ.
 Пріюти нѣги и прохлады,
 Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ—
 Мелькають въ рядъ, изъ-за ограды,
 Разнообразные фасады
 И кровли пестрыя домовъ.
 Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
 Тамъ есть трактиръ—и онъ отъ вѣка
 Зовется *Краснымъ Кибачкомъ*,
 И тамъ—для блага человѣка—
 Построены сумасшедшихъ домъ.
 Вблизи пріюти себѣ смиренный
 Актриса юная наша,—
 Краса и честь балетной сцены,
 На (*попеченій*) была.
 N. N., помѣщикъ изъ Казани,
 Богатый волжскій старожилъ,
 Безъ объясненій, безъ призваній
 [*Ее по-своему любилъ*].

—Мой другъ!—сму я говорилъ:
 Ты не въ свои сядишься сани,—
 Актрисой вздумалъ управлять!
 Ну, гдѣ тебѣ? .

Но обратимся поскорѣе
 Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
 Они стоятъ въ густой аллеѣ,
 Коней привязываютъ тамъ;
 и вотъ тропинкой потаенной
 Они къ калиткѣ отдаленной
 Слѣзая, подобно двумъ ворамъ.
 На землю сумракъ ниспадаетъ,
 Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ
 И переливами играетъ
 На гладкой мѣди эпюлетъ.
 Впередъ отправился Маёшка,
 Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
 И осторожно, точно кошка,
 Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
 За нимъ Монго нашъ долговязый,
 Довольный этою проказой,
 Перевалился кое-какъ.
 Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
 Теперь душа моя въ покое—
 Судьба окончитъ остальное.

Облоботившись у окна,
 Межъ тѣмъ актриса молодая
 Сидѣла дома и одна.
 Ей было скучно, и, зѣвая,
 Такъ тихо думала она:
 Чужда судьба! о томъ ни слова:
 На матушкѣ моей чепецъ
 Фасона самаго дурного,
 И мой отецъ—простой кузнецъ;
 А я—на шелковомъ диванѣ
 Ымъ мармеладу, пью шоколадъ;
 На сценѣ—знаю ужъ заранъ—
 Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
 Теперь со мной плохія шутки—
 Меня сударыней зовутъ,
 И за меня три раза въ сутки
 Каналью—повара дерутъ.
 Мой Ріегге не слишкомъ интересенъ.
 Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
 Не любить смѣху онъ, ни пѣсень,
 Зато богатъ и глушь...
 Теперь не то, что было въ школѣ:
 Ымъ за троихъ, порой и болѣ,
 И за обѣдомъ пью люнель.
 А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
 Днемъ танцы, выправка, ученье,
 А ночью—жесткая постель.
 Встаешь, бывало, утромъ рано,
 Бренчить ужъ въ залѣ фортепьяно,
 Люють всѣ врозь, трещить въ ушахъ;
 А тутъ сама, поднявши ногу,
 Стоишь какъ аистъ на часахъ.
 Флѣри хлопочетъ, бьетъ тревогу..
 Но вотъ одиннадцатый часъ—
 Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ